

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ...

моническом единстве экономической, политической, духовной сфер, обретает в «Розе Мира» новое культурно-историческое бытие.

Прогресс человечества не может быть уподоблен восходящему движению по лестнице. В своем стремлении к совершенству оно проходит трудный путь испытания знанием. Историческое познание обладает огромным потенциалом, использование которого дает возможность человечеству обрести гармонию вселенского бытия.

В. С. ТКАЧЕВ

к.ф.н., доцент (г. Иркутск)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ САМОСОЗНАНИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЭПОХИ ОБЩЕСТВЕННЫХ КРИЗИСОВ

Как система знания, экономическая история составляет лишь небольшую часть теоретических представлений о России в целом. Сравнительно немного в дисциплине занято и ученых, разрабатывающих ее теоретическую модель, устанавливающих правила использования в ней концептуальных подходов. Но при всем том ясно, что специалисты, определяющие лицо этой науки, воспроизводят свои знания в общекультурном пространстве страны, а оно формируется усилиями всей отечественной интеллигенции. Следовательно, примеряясь к оценке знания, сосредоточенного в экономической истории России, защищая старую или утверждая новую ее методологию, необходимо учитывать и то, что воссоздает облик самой интеллигенции, состоящий из научных и вненаучных форм познания.

О самосознании интеллигенции можно судить по созданной ею картине общественной жизни. А в ней важно различать два момента. Во-первых, интеллигенция никогда не воспроизводит общественную жизнь в том виде, в котором она существует на самом деле; поэтому читатель всегда имеет дело с картиной, где действительность уже переведена на язык научных понятий, литературных и художественных образов, а понятия и образы, как известно, огрубляют и схематизируют эту действительность, говорят о ней менее полно, чем хотелось бы. Во-вторых, перевод действительности на язык духовной культуры осуществляется интеллигенцией в разное историческое время и далеко неодинаковым образом. В один период, когда ее творчество совпадает с эпохой восходящего развития общества, она подчиняет свой «язык» духовным силам, заинтересованным в целостности жизни, и формулирует общественный идеал, а в другой, — характерный для эпох упадка, — интеллигенция переориентируется на отдельного человека, интерес которого расходится с коллективными устремлениями людской массы, и строит картину в соответствии с требованиями индивидуалистического идеала. Так что самосознание эпох упадка (а наше самосознание является современником одной из них) останется тайной до тех пор, пока не примется во внимание основная на-

правленность движения культурного слоя в сторону идеи индивидуума, противоположную идее коллективного интереса.

В истории России повороты к идее индивидуума совершались неоднократно.

Так, например, дворянская интеллигенция долгое время была сторонницей общественного идеала, но в первой половине XIX века, достигнув пика развития, склонилась к упадку и перешла на позиции идеала индивидуалистического. Вместе со всем этим она разрушила теоретическую форму старого идеала (классицизм) и выработала новую форму, связанную с идеей индивидуума, выраженную в масонстве, сентиментализме, романтизме и реализме.

Разрушение общественного идеала дворянства осуществлялось постепенно.

Первым течением было масонство. Сентименталисты, идущие следом, усилили уже существующие сомнения. Романтики объявили общественному идеалу настоящую войну. Реалисты пришли под занавес, показав все негативные стороны умственной эволюции дворянского сословия.

Завершили исторический процесс славянофилы и западники. В 1830–1840 годы общество, возглавляемое аристократическим сословием, уже физически чувствовало свой конец. Его состояние особенно тяжелым бременем легло на совесть тогдашнего культурного слоя, что и позволило ему расслышать шаги истории, ведущие к близкой кончине ее дворянской формы. Вслед за этим изменила свои позиции и дворянская интеллигенция. Не переставая быть барской, она отказалась защищать крепостнические интересы своего сословия, затем отпела прежде родной ей общественный порядок, а в заключение еще посмеялась над ним. Этот смех и казнил барский строй, а вместе с ним и саму интеллигенцию. С одной стороны, благодаря смеху она лишила себя эстетического созерцания действительности, ощущения внутреннего самодовольства и прекрасноты, которыми гордилась раньше, встала выше созданной ею же картины общественной жизни; а с другой, — с его помощью она породила два умственных направления (западников и славянофилов), которые, вступив в духовный раскол, не только подвели логическую черту под существованием всей дворянской интеллигенции, но и обеспечили приход в духовную культуру новой, глубоко враждебной ей интеллектуальной силы — разночинной интеллигенции.

Судьба разночинной интеллигенции России в этом отношении мало чем отличается от интеллигенции дворянской.

До определенного времени разночинцы тоже выступали носителем общественного идеала. Но уже с 1870 годов ими овладел дух сомнения, определивший основную направленность дальнейшего развития их поисков. Не сказав последнего слова, критические реалисты породили субъективистов, те подвергли выводы народников кардинальному пересмотру, развернули против них беспощадную теоретическую борьбу и этой борьбой обескровили сформированную было культуру. Рядом с сомнением тогда же появился страх, леденящий душу революционных народников. Страх не перед государством, обрекавшим их на жестокую судьбу, а перед народом, который они, без сомнения, хотели защитить и за который боролись как могли. Это добавило интеллигенции

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ...

неуверенности. И она, постепенно вытесняемая из общества, двинулась по пути ухода от действительности, замкнутости в себе, чтобы и с этой точки зрения убедиться в неизбежности своего мучительного конца.

Именно замкнутость разночинной интеллигенции сказалась на ее отрицательном отношении к проблеме революции: ведь долгое время она считала революционную деятельность высшим проявлением общественной жизни, а теперь, разочаровавшись в общественной жизни, разочаровалась и в идее революции.

Вместе с этим в среде разночинной интеллигенции развилось унылое настроение, оно переросло во всеобщее разочарование, а разочарование перестроило все остальное мировоззрение. Под влиянием страха за собственную судьбу разночинцы изменили отношение к исторической деятельности масс, объявили ее выражением дьявольских сил мира, его бессознательным началом. Правда, время от времени интеллигенция и тут вспоминала о положительной роли народа в истории, но это происходило, как правило, в те моменты, когда к ней возвращался энтузиазм, а он все чаще выглядел одной из форм ее экзотического баловства. И после всплеск странного народолюбия наступал период еще большего охлаждения к жизни, еще большей внутренней усталости, после которого ее неудержимо тянуло к чувственным наслаждениям, а в угасающем сознании окончательно терялись слова, мысли и чувства, способные хоть как-то представить идеал народной массы.

В такие исторические периоды культурный слой (независимо от стран и времени, где и когда складывалась аналогичная ситуация) обычно замолкал. Замолкли и разночинцы. Обессиленные собственным энтузиазмом, они еще больше замкнулись на самих себе, растеряли последний интерес к общественной жизни и склонились к крайним формам индивидуализма. Выдвинув еще дальше идею индивидуума, отождествили его с сознательным началом целого мира. Возвели до положения единственного в своем роде нравственного критерия общества, в отличие от массы, по их понятиям, не доросшей до морального осмысления мира, остановившейся на низших ступенях личностного совершенствования. И такой подход льстил самолюбию тогдашних разночинцев: не потянув больших исторических задач, разрушив трактовку интеллигенции как носителя общественного разума, они оставили людям надежду лишь на индивидуумов, к которым с удовольствием себя и причислили.

Более явственно стадия распада разночинной идеологии обозначилась чуть позже, в 1880 годы, когда в среде интеллигенции зародились и стали бурно развиваться религиозные настроения.

По той же причине получило развитие мистическое ощущение действительности. К концу XIX столетия интеллигенция уже отчетливо знала, что мир подчиняется не разуму, а неким таинственным силам. Соответственно этому убеждению она создала форму культуры, свободную от связи с реальностью, состоящую из виртуальных объектов психики интеллигента и вырастающую из человека как свободный плод его собственного «я». Но победа этой культуры оказалась недолгой. Сосредоточив внимание на крайних формах самосознания индивидуальности, разночинная интеллигенция изменила гражданскому долгу, как его поняла тогда народная масса, и когда эта масса раскачалась от при-

зывает радикально настроенной части русской интеллигенции, пришла к власти, старая интеллигенция вынуждена была испить горькую чашу до дна, покинуть умственную сцену России, чтобы уступить свое место другой интеллигенции — пролетарской.

Пролетарская интеллигенция, как дворянская и разночинная интеллигенция соответствующих периодов, специализировалась на первых порах исключительно в области формулирования общественного идеала, но под занавес отказалась от него и незаметно перестроила всю систему марксизма. Так что, оценивая ее теперь, следует видеть кардинальную разницу между тем, что утверждал марксизм ранней эпохи, и то, что говорили от его имени в 1970–1980 годы.

Таким образом, в эпохи восходящего развития русская интеллигенция признавала авторитет общественного идеала и становилась в отрицательное отношение к идеалу индивидуалистическому, а в эпохи нисходящие, наоборот, выдвигала вперед индивидуалистический идеал, чтобы отвергнуть общественный. В соответствие с этим она перестраивала и всю систему своего мировоззрения.

В заключение отметим еще, что вкусы современной интеллигенции перемещаются пока в ту же сторону, в какую двигались вкусы пролетарской интеллигенции заключительной фазы. Интеллигенция отстаивает приоритет индивидуального бытия, он стал лозунгом абсолютной свободы духовного творчества, требованием разрыва ее отношений с народом, оказавшемся в состоянии крайнего упадка сил. Это видно из того, что ранняя интеллигенция за системой научных понятий, литературных и художественных образов старалась увидеть конфигурацию общественных отношений, а теперешняя находит за ними лишь то, что образует уникальность исторических событий, их неповторимость. Между тем, — и это надо отчетливо сознавать, — буржуазия как сословие мало чем отличается от других исторических сил и в эпоху своего зарождения (а русская буржуазия сейчас находится как раз в этом периоде) тоже нуждается в крепком общественном идеале. До сих пор ее самосознание развивалось в рамках индивидуалистических тенденций, и в этом смысле совпадало с тем, что предлагала ей отечественная интеллигенция с конца 1980 годов. Решающее место в буржуазном идеале занимали сиюминутные интересы, они не давали новому сословию устойчивого положения, поэтому таким сиюминутным выглядел и сам капитал. Интеллигенция же, занятая исключительно собой, не спешила ему на помощь. Она не могла избавиться от мысли, что общественный идеал — идеал социалистический, связанный с господством народных масс, а это ее пугало. Но теперь капитал окреп, буржуазия требует (пока не очень осмысленно) выработки общесословного мировоззрения как условия нормального функционирования общественного по природе капитала, тем самым подводит логическую черту под индивидуалистическим идеалом, с которым никак не может расстаться современная интеллигенция. И от того, какие новые подходы предложит ей интеллигенция, занятая в искусстве, литературе, науке (в том числе и в экономической истории России), будет зависеть, станет она исторически полезным работником или превратится в мнимую величину, с существованием которой капитал никогда не смирится.